

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(1), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Гатауллина И. А. Советская экономическая политика в Средневолжском регионе в первой половине 1920-х годов / И. А. Гатауллина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 345—377. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-345-377.

Gataullina, I. A. (2025). Soviet Economic Policy in Middle Volga Region during Early 1920s. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 345-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-345-377. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Советская экономическая политика в Средневолжском регионе в первой половине 1920-х годов

Гатауллина Ирина Алексеевна
orcid.org/0000-0002-1304-3945
доктор исторических наук, доцент,
кафедра социологии,
политологии и менеджмента
gataullina.irina2010@yandex.ru

Казанский национальный
исследовательский технический
университет им. А. Н. Туполева-КАИ
(Казань, Россия)

Soviet Economic Policy in Middle Volga Region during Early 1920s

Irina A. Gataullina
orcid.org/0000-0002-1304-3945
Doctor of History, Associate Professor,
Department of Sociology,
Political Science, and Management
gataullina.irina2010@yandex.ru

Kazan National Research
Technical University
named after A. N. Tupolev-KAI
(Kazan, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос реализации нэпа в Татарской республике, Ульяновской, Самарской и Саратовской губерниях. Институциональные принципы организации внутреннего рынка, выработанные в рамках ленинского проекта, определяются как основание хозяйственной деятельности. Представлены результаты сравнительного анализа региональной сети. Установлено, что стремительный рост торговли происходил за счет динамики абсолютных показателей частного и укрепления позиций государственного и кооперативного секторов. Подчеркивается, что если в губернском товарообороте сдвиг произошел в сторону госорганов, то в Татреспублике фиксируется сбалансированное соотношение торговых конкурентов с преимуществом частного капитала. Обосновывается, что благодаря предшествующему опыту началось возрождение рыночной конъюнктуры, обусловившей эволюционную направленность проводимой политики. Показано, что регулирование отражало попытку взвешенного подхода властных структур к частной конкуренции, их стремление дать критическую оценку своим действиям по отношению к кооперации. Однако факты некомпетентности, упрощенных решений насущных задач позволяют утверждать, что узаконение произвольной власти государства насильственно вмешиваться в ход восстановительного процесса — дело времени. Автор приходит к выводу, что противовесом разрушительной силе классовой ненависти может быть только сила созидательного потенциала социального партнерства, выстраивающего экономику компромисса.

Ключевые слова:

история России; экономическая политика; конъюнктура; регулирование; компромисс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the implementation of the New Economic Policy (NEP) in the Tatar Republic, Ulyanovsk, Samara, and Saratov provinces. The institutional principles governing the organization of the internal market, developed within the framework of Lenin's project, are identified as the foundation of economic activity. The results of a comparative analysis of the regional network are presented. It is established that the rapid growth of trade was driven by the dynamics of absolute indicators in the private sector and the strengthening positions of state and cooperative sectors. It is emphasized that while there was a shift towards state entities in provincial trade turnover, a balanced ratio of trading competitors with an advantage for private capital was observed in the Tatar Republic. The study argues that the revival of market conditions, influenced by prior experience, initiated an evolutionary direction for the policies being implemented. It is shown that regulation reflected a measured approach by authorities towards private competition and their desire to critically assess their actions regarding cooperation. However, instances of incompetence and simplified solutions to pressing issues suggest that the legitimization of arbitrary state power to interfere in the recovery process is merely a matter of time. The author concludes that the counterbalance to the destructive force of class hatred can only be found in the constructive potential of social partnership, which builds an economy based on compromise.

Key words:

History of Russia; economic policy; market conditions; regulation; compromise.

УДК 94(470.40/.43)“192”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-345-377

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Советская экономическая политика в Средневолжском регионе в первой половине 1920-х годов

© Гатауллина И. А., 2025

1. Введение = Introduction

100-летие принятия в России новой экономической политики — не только значимая дата в календаре отечественной истории, но и повод для раздумий о месте и роли рынка как институциональной составляющей политико-экономической системы страны. Специфические условия развития Российского государства сформировали особую политику власти по отношению к частной собственности, ставшей к концу XIX — началу XX века структурообразующим элементом хозяйственного механизма. Ликвидация рынка явилась для России испытанием, поставившим на кон существование и новой власти, и новой государственности. Однако разворот, предпринятый В. И. Лениным в условиях военно-коммунистического кризиса, в свою очередь оказался не меньшим проявлением радикализма большевистской диктатуры, схватившейся за рынок как за спасительную соломинку.

Обстоятельства, в которых жила страна на протяжении всей советской истории, диктовали разное отношение к рынку. В этом смысле не стал исключением и постсоветский период. Непростой путь от антикапиталистической ментальности к легитимации собственности привел российский социум к очередной развилке: с одной стороны, рынок действительно оправдывает ожидания людей, с другой — общество склонно проявлять и антирыночные настроения. Так, под лозунгом «Поиграли в капитализм и хватит» [Коммунист идет на выборы...] осуществлял свою предвыборную кампанию в 2024 году кандидат в президенты России от Коммунистической партии. Все вышесказанное является обоснованным поводом обратиться к опыту новой экономической политики 1920-х годов — наиболее длительному этапу существования легального рыночного пространства в советской истории. Цель работы, выполненной на основе предшествующих исследований автора, а также привлечения новых источников, состоит в попытке выяснить, почему в указанный период при наличии непростых обстоятельств, связанных с наступлением голода, частный сектор экономики выступил партнером государственных и кооперативных орга-

низаций, совместная деятельность которых обеспечивала поступательный характер восстановления истощенных производительных сил региона, возрождала и укрепляла его хозяйственные связи. Использование новых документов позволяет более внимательно рассмотреть вопрос о миссии и роли государства в деле налаживания на этом этапе взаимоотношений с частным капиталом как системы государственного капитализма, ставшей предвестником советской экономики еще в эпоху С. Ю. Витте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Новые документальные источники, вышедшие в свет к 100-летию нэпа в России, существенно дополняют историю того периода, отражая положение дел в повседневной хозяйственной практике 1920-х годов [Экономика компромисса ..., 2021]. Рынок в ней выступает антикризисным инструментом и одновременно явлением не только терпимым, но поощряемым со стороны государства, которое, приспосабливаясь, учится договариваться с ним. Примечательно, что большую часть юбилейного сборника составляют 134 документа, которые освещают участие частного капитала и торговли в деле восстановления страны и ее отдельных регионов, в частности Среднего Поволжья. Советское законодательство, партийные решения и собственно ленинские акценты новой политики сформировали источниковую базу для оценки практических действий власти. Архивные материалы, прежде всего статистические данные, извлеченные из федеральных и региональных фондов государственных учреждений, легли в основу настоящего исследования. Существенную помощь также оказало обращение к сборникам документов, опубликованным в постсоветский период.

Методологической базой исследования выступают основополагающие принципы историзма и объективности, опора на историко-сравнительный и ретроспективный методы. Броделевский подход в осмыслении явлений общественной жизни во всей совокупности, «на многоуровневой вертикали от земли до надстройки» [Бродель, 1986, с. 27—28], как необходимое условие адекватного восстановления картины прошлого, выступает руководящим положением исследования. Его предмет — экономическая политика в регионе и развитие внутреннего рынка в условиях легализации частного капитала. Компромисс между властью и большей частью населения в 1920-е годы обеспечивал решение центральной задачи момента — осуществление «смычки» между городом и деревней, реализуемой прежде всего через торговую деятельность «разносоставной и “многоукладной” массы нэпманского торга» [Экономика компромисса..., с. 38].

Проблематика нэпа обладает колоссальным исследовательским ресурсом, сформировавшимся в отечественной историографии, в том числе за

последние годы. Итоги в изучении новой экономической политики подведены по случаю 100-летия введения нэпа в России в статье М. Ю. Мухина [Мухин, 2020, с. 3—14]. Отклик на эту публикацию В. В. Кондрашина, который не только критически оценил подачу автором историографии аграрно-крестьянского аспекта проблемы, но и существенным образом дополнил ее обзором значимых исследований в области изучения советской деревни рассматриваемого периода [Кондрашин, 2021, с. 180—184], также обращает на себя внимание. Необходимо признать, что фундированность проблематики делает представление проделанной историками за столетний период работы в рамках юбилейной статьи весьма затруднительным. В то же время М. Ю. Мухин, действительно не претендуя на всеобъемлющее раскрытие историографии нэпа, точно сформулировал ее исследовательский итог — это деидеологизация «нэповедения» [Мухин, 2020, с. 13].

Рыночную проблематику в целом, равно как историю внутренней торговли 1920-х годов в отдельном регионе, невозможно изучать в отрыве от наследия В. И. Ленина. На трактовке создателя проекта была выстроена советская историография нэпа как вынужденного, сделанного из тактических соображений отступления к государственному капитализму, обеспечивающего экономический переход к основам социализма [Ленин, 1974, с. 205]. Согласимся с мнением Е. Р. Кураповой и В. С. Пушкарева, которые, отметив исследования Г. А. Дихтяра [Дихтяр, 1961], Г. Л. Рубинштейна [Рубинштейн, 1964], выделили работу В. П. Дмитренко [Дмитренко, 1971] как одного из первых интерпретаторов ленинской концепции нэпа применительно к торговле [Экономика компромисса ..., 2021, с. 27]. Советский историк акцентировал внимание на изучении проблем госкапитализма [Дмитренко, 1974], утверждая позднее, что экономические методы руководства социалистическими предприятиями являются «основным приобретением НЭПа» [Историки спорят ..., 1989, с. 142]. Вышедшее в свет в 1952 году, но опубликованное в СССР в 1989 году многотомное исследование Э. Карра [Карр, 1989], а также русскоязычные переводы книг С. Коэна [Коэн, 1988] и Р. Дэвиса [Дэвис, 1994] во многом предвосхищали последующие подходы российских историков к изучению «философии НЭПа» (термин Э. Карра). Публицистические работы экономистов в период перестройки [Лацис, 1990; Попов Г., 1990; Шмелев и др., 1989] подняли тему противопоставления нэпа «административной системе» (термин Г. Х. Попова), которая вывела историков на проблему альтернативности, ставшую сквозной как в конкретно-исторических работах, так и в историографических обзорах в 1990-е годы [Дмитренко, 1991; Орлов, 1999; Роголина, 1994; Роговин, 1992]. Крупные исследователи истории 1920-х годов, давшие положительную оценку результатам нэпа, изучали причины, помешавшие полной ре-

ализации его потенциала [Данилов и др., 1989]. Примечательно, что высказанные на 6-й научной конференции ИРИ РАН в 2002 году трактовки В. П. Данилова относительно роли кооперации как важнейшего фактора нэпа [Данилов, 2006] и Н. Л. Рогалиной по вопросу эффективности экономической политики [Рогалина, 2006] в свете новых документов получают интерпретацию, связанную с более предметным анализом действий власти по отношению к рынку именно в первой половине 1920-х годов.

Изучение вопроса эффективности нэпа через призму модернизационной теории имеет несомненную теоретическую значимость [Бокарев, 2006; Павлюченков 2002; Сенявский 2006]. Исследование Л. И. Бородинки в области моделирования социальной динамики крестьянства [Бородин, 2008], монография Л. Н. Суворовой о многоукладной экономике [Суворова, 2013], а также работы С. В. Журавлева, А. К. Соколова [Журавлев и др., 1998], М. Ю. Мухина [Журавлев и др., 2004] по истории повседневности 1920-х годов вносят существенный вклад в понимание нэпа как многостороннего явления. Современные исследования углубляют сложившиеся представления о нем. На связь отказа от экономической стратегии нэпа и начала мобилизационной подготовки по причине «военной тревоги» 1927 года указывает И. Б. Орлов [Орлов, 2021, с. 18]. Мысль Ю. Н. Жукова об искусственном продлении нэпа (вследствие победы линии Н. И. Бухарина в декабре 1925 года), не оправдавшего себя в тех формах, в которых он сложился [Жуков, 2019, с. 105], весьма плодотворна. Данный подход снимает вопросы эффективности и альтернативности нэпа в пользу центральной проблемы — целесообразности социального эксперимента в условиях исторического выбора и необходимости использования предшествующего опыта страны с опорой на базовые институты цивилизационного развития, среди которых рынок — основополагающий.

Региональная историография в последние десятилетия также приросла комплексными исследованиями различных аспектов нэпа [Виноградов, 1998; Демчик, 2005; Килин, 2018; Лихолет, 2016; Лошаков, 2019; Нарский, 2002; Полянская, 2017; Стулов, 2024; Фельдман, 2003;], в том числе на материалах Среднего Поволжья [Гатауллина-Апайчева, 2007; Лютов, 2002, Орлов, 2009; Чуканов, 2001]. Выявление особенностей реализации экономической политики на местах способствовало формированию более целостной картины времени, объективного взгляда на политико-экономические и социокультурные процессы в стране этого периода.

В современных условиях рыночная проблематика обретает новое прочтение. Как здесь не вспомнить слова С. Н. Прокоповича о невозможности роста экономики и неизбежном исчерпании нэпа, ставшего препятствием к развитию по причине его исходной противоречивости: сохранение огосу-

дарствления крупной промышленности, внешней торговли и банковского дела при необходимости притока капиталов, свободы частной хозяйственной инициативы, утверждения права частной собственности [НЭП: Взгляд со стороны..., 1991, с. 40—41]. Вместе с тем не следует забывать и опыт дореволюционной «системы» С. Ю. Витте [Мартынов, 2002, с. 70], в которой вопрос государственного регулирования, протекционизма в России рассматривался как один из главных. Государство, исторически сложившееся в условиях земледельческой цивилизации, неизбежно выполняет функции «локомотива» экономического развития и «регулирующего» рынка, обеспечивая устойчивое развитие экономики в целом. По справедливому мнению В. Кудрявцева, принцип национализации, повлекший огосударствление экономики, никогда не подвергался сомнению в социалистических кругах. Спорили лишь о мере национализации, о ее разумных пределах [НЭП: Взгляд со стороны..., 1991, с. 7].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Институциональные основы торговли и рынка на старте нэпа

О том, насколько жизненно необходимым для Советского государства стал переход к нэпу, свидетельствует не только факт радикальной смены политического курса в стране, но и характер мероприятий власти. Логика переживаемого момента потребовала от нее выработки законодательных норм, регулирующих поведение всех хозяйствующих субъектов: от частного до организованных контрагентов. Представляется, что действия большевистской власти были спонтанны и направлены на преодоление вновь и вновь возникающих обстоятельств, угрожающих самому ее существованию. Каскад принятых в первой половине 1921 года декретов отразил начавшийся сложный социально-политический процесс, подчинявшийся исторической необходимости.

Рынок, решительно отвергнутый большевиками в годы военного коммунизма, и торговля (по выражению В. И. Ленина, «неприятная штука» [Ленин, 1974, с. 216]) оказались единственным средством спасения страны от экономического краха, а ее руководства — от политического фиаско. Выступая в ноябре 1922 года на IV конгрессе Коммунистического интернационала, В. И. Ленин, впервые признав внутренний кризис, когда «большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас», твердо заявил: «Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России...» [Ленин, 1975, с. 282]. Нэповское возрождение хозяйственных связей восстанавливало, казалось, окончательно разрушенные в годы Гражданской войны социальные отношения основных политических сил друг к другу и вместе взятых — к власти.

Центральным объектом в оптике последней было крестьянство. Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 года дал старт нэпу. Замена продовольственной разверстки продналогом явилась первостепенной и кардинальной мерой, следствием чего должно было стать и стало-таки возвращение к частной торговле. Согласно определению В. И. Ленина, продналог — это не только средство улучшения положения крестьянства после военного коммунизма, но также и «развитие оборота земледелия с промышленностью» [Ленин, 1974, с. 243]. Продналог означал получение избытков сельскохозяйственных продуктов, реализуемых крестьянином на рынке по любой цене.

Однако путь к рынку оказался извилистым. Концепт «правильного социалистического продуктообмена», как способ осуществления «более непосредственного перехода к социалистическому строительству» [Ленин, 1974, с. 215], потребовал включения в этот процесс рабочих и кооперативы — партнеров крестьян по обмену. Признавая, что введение продналога открывает путь к «негосударственному обмену», В. И. Ленин призывал «не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма» [Ленин, 1974, с. 222]. Это означало регулирование торговли, которая, согласно основополагающему декрету о нэпе от 21 марта, должна была осуществляться в пределах местного хозяйственного оборота. Но после выхода 28 марта декрета о свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов, отменившего все ограничения на транспорт [Собрание узаконений, 1921], это правило перестало действовать.

Решение власти о возвращении формальной независимости кооперативам, выступавшим, по мысли В. И. Ленина, в качестве «разновидности государственного капитализма» [Ленин, 1974, с. 225], а также о получении рабочими права откладывать часть своей продукции для собственного потребления и для «обменного фонда» с крестьянами через свои, рабочие кооперативы было обнародовано 7 апреля [Карр, 1989, с. 261]. На IV Всероссийском съезде профсоюзов, проходившем с 17 по 25 мая, эти меры были охарактеризованы как «эксперимент» с целью поставить под контроль незаконную торговлю [Там же, с. 261]. Декрет от 17 мая возвестил о «генеральном договоре» с потребительской кооперацией, согласно которому Центросоюз наделялся правом оптового распределения потребительских товаров в масштабе всей страны. 24 мая новый декрет разрешил отдельным гражданам и кооперативам «обменивать, закупать и продавать сельскохозяйственную продукцию после выплаты натурального налога», а июльский — получать лицензию на торговлю любыми товарами, но не из сырья, поставляемого государством и изготавливаемого национализированной промышленностью [Там же, с. 262].

Законы второй половины 1921 года определяли правила поведения торгующих контрагентов. Так, уже 16 августа 1921 года вышел в свет Декрет СНК о расширении прав государственных предприятий в области финансирования и распоряжения материальными ресурсами. Предприятия могли заказывать и покупать на рынке все продукты кустарного и мелкого производства, в том числе и у частных лиц. 4 октября 1921 года право приобретения сырья, сельскохозяйственных продуктов и кустарных изделий на вольном рынке по рыночным ценам «в пределах потребности, предусмотренной сметами», получили советские органы. Во всех случаях приобретений они должны были «обращаться сначала к кооперативным организациям, затем к непосредственным производителям и лишь при неудовлетворении из первых двух источников — к частным лицам вообще» [Советская ..., с. 22].

Согласно Декрету от 26 октября 1921 года подлежала возврату вся прежде национализированная или муниципализированная собственность кооперативов. Они могли покупать и продавать товары, предлагая их в первую очередь Центросоюзу, в случае же отказа последнего — на свободном рынке [Карр, 1989, с. 265]. При этом кооперативам отдавалось предпочтение в качестве поставщиков товаров для госорганов, которым также разрешалось покупать товары на частном рынке сначала в виде исключения, а декретом от 4 октября — на регулярной основе [Там же, с. 267]. Декрет СНК от 27 октября 1921 года предоставлял госпредприятиям «право расходовать продукцию своего производства по рыночным ценам в пределах норм, установленных для каждой отрасли промышленности». Однако реализация товарных фондов должна была осуществляться поочередно: госучреждения — кооперативные органы — частные организации и лица [Советская ..., с. 23].

В докладе о новой экономической политике на VII Московской губпартконференции 29 октября В. И. Ленин пояснял цель предпринятых шагов: «Более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность как единственную основу социалистической организации» [Ленин, 1974, с. 207]. Но в таком виде поставленную задачу решить не удалось. В. И. Ленин тогда констатировал, что «товарообмен сорвался», «частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная... торговля» [Там же, с. 207—208]. Вслед за признанием ошибочности начальных действий власти последовало обращение «приспособиться к ней»: «Иначе стихия купли-продажи... захлестнет вас!» [Там же, с. 208].

Таким образом, за политическим отступлением весны 1921 года В. И. Ленин призвал к новому отступлению от социалистического строительства не просто к государственному капитализму, а к государственно-

му регулированию коммерческих отношений [Там же, с. 218]. В ноябре 1921 года торговля трактовалась им как единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, а также как «звено» в исторической цепи событий, «за которое надо всеми силами ухватиться». Отступление к государственному регулированию через овладение торговлей, развивающейся в заданном направлении и поставленной в известные рамки, было определено главной задачей момента [Там же, с. 226—227]. Согласно Постановлению IX Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 года, предприятия и их объединения могли реализовать на рынке части своей продукции «в соответствии с операционными планами и при условии недодачи государством необходимых им ресурсов» [Советская ..., с. 24]. Поскольку теперь госпредприятия для пополнения своих ресурсов обращаются к рынку, им предоставляются широкие права вести торговые операции как между собой, так и с кооперативами и вольным рынком, «учитывая при этом декрет о преимущественном праве госорганов и кооперации» [Там же]. Так, свободная торговля, всего два года назад считавшаяся «государственным преступлением», «возвратом к старому капитализму» [Ленин, 1974, с. 315], на этом форуме была объявлена «оселком экономической жизни», которой следует учиться. Это учение — «чрезвычайно свирепое», признавал председатель Совета Народных Комиссаров, но «невозможного ничего нет», «чтобы начать общим фронтом экономический подъем» [Ленин, 1974, с. 218, 322]. Уже весной 1922 года на XI съезде РКП(б), давая оценку существованию страны в новых экономических условиях, В. И. Ленин сравнил государство с вырывающейся из рук машиной, едущей не туда, куда ее направляют: «Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что это тот капитализм, который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки», суметь «сделать так, чтобы государство, которое вы взяли в руки, по-вашему действовало» [Ленин, 1974, с. 85—86]. Позднее, в своей речи на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 года, касаясь вопроса о Земельном и Трудовом кодексах, он подтвердил следование политике, «которую мы ведем твердо и относительно которой у нас не может быть колебаний» [Ленин, 1974, с. 248]. Принятие ВЦИКом Гражданского кодекса завершило начальную фазу нэпа, юридически оформив его первые результаты. Законодательство «поставило штамп на новый культ законности, целью которого было защитить и приумножить достижения НЭПа» [Карп, 1989, с. 268].

3.2. Соотношение торговых контрагентов в регионе в первой половине 1920-х годов

Согласно ст. 52 Гражданского кодекса, собственность в стране была представлена государственной, кооперативной и частной видами [Граж-

данский Кодекс РСФСР]. Именно частная торговля сыграла особую роль в Среднем Поволжье, охваченном в начале 1920-х годов голодом. Его наступление предопределила не только засуха, но и сохранение политики продразверстки в 1920/21-м продовольственном году. Недостаток или отсутствие семенного материала вело к разграблению общественных амбаров, погромам ссыпных пунктов и даже к крестьянским волнениям. Так, в апреле 1921 года в Татарской Республике были подавлены восстания в Бугульминском кантоне, а председатель исполкома Арского кантона вынужден был признать, что подлинной власти на местах нет [Крестьянское движение ..., 2002, с. 703, 706—707]. Крестьяне ряда уездов Симбирской губернии расхищенный семенной материал, если не успевали засеять, прятали или съедали [Там же, с. 717]. Самарский губпродком в ЦК Помгола от 12 сентября 1921 года сообщал, что питание населения уже строится на суррогатной основе [Письма во власть ..., 1998, с. 275].

Возможность сбора продналога в этих обстоятельствах ставилась под сомнение. «Посмотрим, как власти соберут продналог с нашей деревенской голи да бедноты, нахватавшей земли на едоков. А жрать как не было, так и теперь нет ничего», — говорил симбирский бедняк в беседе с представителем Главкустпрома 11 ноября 1921 года [РГАЭ, ф. 1691, оп. 1, д. 67, л. 1]. Прогнозы аналитиков губернских статистических бюро оправдались: к концу 1921 года в Среднем Поволжье наступил голод. Шел второй год новой экономической политики, а Информотдел ГПУ в обзоре политико-экономического состояния РСФСР за май-июнь 1922 года констатировал, что весной 1922 года сеять было нечего: весь семенной материал съеден [«Совершенно секретно...», с. 161]. В докладе Наркомзема РСФСР о ходе озимой посевной кампании в 1922 году районы Поволжья, как значительно пострадавшие от неурожая и голода, в губернской группировке были обозначены первыми из шести российских регионов в очередности снабжения семенными материалами [Экономика компромисса ..., 2021, с. 61]. Спустя три года после отчаянно голодных лет в связи с плохими видами на предстоящий урожай нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов в записке секретарю ЦК РКП(б) В. М. Молотову сообщал, что крестьянство неурожайных районов потеряло надежды на урожай 1924 года, настроение у него паническое, а в Ульяновской губернии — подавленное, потому что свежи в памяти ужасы 1921/22 годов [Там же, с. 125, 126].

Голод значительно поднял рейтинг «вольного» рынка, где можно было купить все, кроме разве что птичьего молока [РГАЭ, ф. 1691, оп. 1, д. 67, л. 1]. Крестьяне предлагали городу провиант, горожане селу — мануфактуру, соль, керосин, сласти. 28 декабря 1921 года в Татарской Республике за 25 фун-

тов муки можно было приобрести потасканные суконные брюки, за 5 фунтов топленого масла — сатиновую рубашку, а ситцевую — за 10 фунтов говядины. Серебряные часы обменивались на 8 фунтов свинины; четверть молока — на 3 фунта керосина или 3—4 фунта хлеба, или на 2 фунта мыла [ГАРТ, ф. 1296, оп. 2, д. 201, л. 86]. На «вольном» рынке господствовал частник, которому к 1922 году в Татарской Республике принадлежало 1075 из 1277 торговых заведений, в то время как государству — 112, а кооперации — 90 соответственно [ГАРТ, ф. 1296, оп. 4, д. 186, л. 1]. В 1923 году общее число возросло до 3549 предприятий [ГАРТ, ф. 990, оп. 1, д. 156, л. 7]. При сохранении численности кооперативных заведений и увеличении государственных предприятий всего на два, частные — показали рост на 33 % по отношению к предыдущему году.

В поволжских губерниях систематический отчет торговых заведений начался в 1923 году. Так, в Самарской губернии имелось 901 торговое предприятие, хотя количество выбранных патентов на ведение торговой деятельности с октября 1922 по октябрь 1923 года составляло 8785 [ГАСам.О., ф. 839, оп. 2, д. 39, л. 7]. По данным Симбирского внутрорга, в губернии действовало 2918 торговых заведений, из них 2590 частных, тогда как кооперативных — 269 и государственных — 50 [ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 910, л. 47а, 56].

Вслед за переводом госпредприятий на хозрасчет началось восстановление финансовой системы, и товарообмен стал заменяться денежной торговлей, ускоренной налоговым законодательством. Промысловый налог в денежной форме был установлен 26 июля 1921 года [Собрание ..., 1921]. Согласно Декрету ВЦИК и СНК от 3 февраля 1922 года, этим налогом, состоявшим из патентного и уравнительного сборов, по пятиразрядной шкале облагались все торговые и промышленные предприятия [Собрание ..., 1922]. Патенты I и II разрядов выбирали мелкие скупщики сельскохозяйственной продукции, осуществлявшие ручную торговлю. Владельцы небольших магазинов приобретали патенты III разряда [Собрание ..., 1921]. Торговлю в лавках, имеющих четыре и более окон на улицу, вели обладатели патентов IV разряда. Наконец, хозяева крупных магазинов, занимающих «более пяти светлых покоев и обслуживаемых более чем двадцатью служащими и рабочими», должны были выбирать патенты V разряда для осуществления оптовой торговли [Собрание ..., 1922]. Строгий регламент ведения торговли упорядочивал стихию рынка, структурировал его в рамках государственного, кооперативного и частного секторов. Количественный анализ выбранных патентов по категориям владельцев с 1923/24 по 1925/26 годы позволяет определить направленность развития торговли в регионе в 1-й пол. 1920-х годов (см. табл.).

Таблица

Количество выбранных патентов по категориям владельцев в Среднем Поволжье
за период с 01.04.1923/24 по 01.10.1925/26 гг.*

Период	Разряд	Госорганы		Кооперация		Частник		Всего дин.
		дин. / уд. вес		дин. / уд. вес		дин. / уд. вес		
За 1922/23 гг. данных нет								
Сведения по разрядам отсутствуют								
I пол. 1923/24 гг.	Всего:	285	354		7046			7685 / 100
		100 / 3,7	100 / 4,6		100 / 91,6			
		1	1		1232			1234
Татарская республика	I	0,08	0,08		99,8			
		32	76		4686			4794
		0,6	1,6		97,7			
	III	124	615		1296			2035
		6,1	30		68,7			
		103	45		106			254
	IV	40,6	17,7		41,7			
		70	11		17			98
		71,4	11,2		17,3			
	Всего:	330	748		7337			8415
		115,7 / 3,9	211,2 / 8,8		104,1 / 87,2			109,4 / 100

Продолжение табл.

Период	Разряд	Сведения по разрядам отсутствуют			Всего дин.
		Госорганы дин. / уд. вес	Кооперация дин. / уд. вес	Частник дин. / уд. вес	
I пол. 1924/25 гг.	Всего:	307	409	7545	8261
		107,7 / 3,7	115,5 / 4,9	107,1 / 91,3	107,4 / 100
	I	4	2	1831	1837
	II	72	121	5735	5928
	III	86	1631	1433	3150
	IV	111	92	108	311
	V	80	24	21	125
	Всего:	353	1870	9128	11351
		123,8 / 3,1	528 / 16,4	129,5 / 80,4	147,7 / 100
I пол. 1925/26 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют				
	Всего:	385	1019	10039	11443
		135,1 / 3,3	287,8 / 8,9	142,4 / 87,7	148,9 / 100
	I	—	12	2395	2607
	II	36	126	7125	7287
	III	81	1704	2088	3873
	IV	191	163	182	536
	V	111	54	46	211
	Всего:	419	2059	12036	14514
		147,0/2,8	581,6 / 14,1	170,8 / 82,9	188,8 / 100
II пол. 1925/26 гг.					

Продолжение табл.

Период	Разряд	Госорганы	Кооперация	Частник	Всего дин.
		дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	
Ульяновская губерния					
За 1922/23 и I пол.1923/24 гг. данных нет					
II пол. 1923/24 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют				
	Всего:	102	248	5308	5658
		100 / 1,8	100 / 4,3	100 / 93,8	100 / 100
I пол. 1924/25 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют				
	Всего:	121	308	5760	6189
		118,6 / 1,9	124,1 / 4,9	108,5 / 93,1	109,3 / 100
II пол. 1924/25 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют				
	Всего:	133	465	5987	6585
		130,3 / 2,0	187,5 / 7,0	112,8 / 90,9	116,3 / 100
За 1925/26 гг. данных нет					

Период	Разряд	Госорганы	Кооперация	Частник		Всего дин.
		дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	дин. / уд. вес		
За 1922/23 и I пол.1923/24 гг. данных нет						
II пол. 1923/24 гг.	Сведения по разрядам отсутствуют					
	Всего:	303	395	6045	6746	
		100 / 4,49	100 / 5,9	100 / 89,6	100 / 100	
I пол. 1924/25 гг.	I	—	1	2200	2201	
	II	24	40	4456	4520	
	III	125	314	1290	1729	

Продолжение табл.

Период	Разряд	Госорганы	Кооперация	Частник		Всего дин.
		дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	дин. / уд. вес		
II пол. 1924/25 гг.	IV	102	95	1522		1719
	V	110	55	39		204
	Всего:	361	505	9057		10373
		119,1 / 3,5	127,8 / 4,7	149,8 / 91,7		153,7 / 100
	I	—	7	2611		2618
	II	46	83	4476		4607
	III	132	461	1332		1925
	IV	143	139	194		476
	V	125	59	51		235
	Всего:	446	749	8664		9861
147,1 / 4,5		189,6 / 7,6	143,3 / 87,9		146,1 / 100	
I пол. 1925/26 гг.	I	—	3	2125		2128
	II	28	62	5040		5130
	III	120	497	1855		2472
	IV	167	187	388		742
	V	145	80	106		331
	Всего:	460	829	9514		10803
151,8 / 4,3		209,8 / 7,7	157,3 / 88,0		160,1 / 100	
За II пол. 1925/26 гг. данных нет						

Продолжение табл.

Самарская губерния	Период	Разряд	Госорганы	Кооперация	Частник	Всего дин.
			дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	дин. / уд. вес	
	I пол. 1922/23 гг.		97	180	5558	5835
			100 / 1,6	100 / 3,08	100 / 95,2	100 / 100
			132	268	8385	8785
	II пол. 1922/23 гг.	Всего:	136 / 1,5	148,8 / 3,05	150,8 / 95,4	150,5 / 100
			229	448	13943	14620
			236/1,5	248,8/3,1	250,8/95,3	250,5/100
	За I пол. 1923/24 гг. данных нет					
	II пол. 1923/24 гг.	Всего:	Сведения по разрядам отсутствуют			
			167	685	6218	7070
			172,1 / 2,36	380,5 / 9,68	111,8 / 87,9	121,1 / 100
	За I пол. 1924/25 гг. данных нет					
	II пол. 1924/25 гг.	I	4	34	1346	1384
		II	19	170	4883	5072
III		82	903	1044	2029	
IV		81	111	156	348	
V		72	41	41	154	
Всего:	258	1259	7470	8987		
	265,9 / 2,87	699,4 / 14,01	134,4 / 83,1	154,0 / 100		
За 1925/26 гг. данных нет						

* Составлено и подсчитано по данным: [ГАРГ, ф. 1488, оп. 2, д. 51, л. 1, 37; ф. 3452, оп. 1, д. 1661, л. 103; ГАУО, ф. 334, оп. 1, д. 95, л. 56; ГАСам.О., ф. 839, оп. 2, л. 7, 39; ф. 796, оп. 10, д. 117, л. 55; ГАСар.О, ф. 441, оп. 1, д. 603, л. 28].

Таблица не содержит полных сведений по всем районам региона, но отражает стабильный рост количества выбранных патентов на ведение всех видов торговли. Сравнивая состояние торговой сети в Татарской республике и Саратовской губернии, имеющих данные со 2-й пол. 1923/24 по 1-ю пол. 1925/26 года, видим увеличение количества выбранных патентов в каждом сегменте с преимуществом всех предприятий в республике (11 443 патента против 10 803 губернских) в указанный период. При этом удельный вес контрагентов внутри районов различен и показывает, что, несмотря на доминирование частного сектора в торговой сети региона, произошло его снижение: в ТР с 91,6 до 87,7 %, в губернии с 89,6 до 88 %. Удельный вес кооперативной сети, напротив, увеличился: с 5,9 до 7,7 % в Саратовской губернии и почти вдвое — с 4,6 (с 1-й пол. 1923/24 года) до 8,9 % — в Татарской республике. Аналогичной, но за период со 2-й пол. 1923/24 года по 2-ю пол. 1924/25 года, представляется картина в других губерниях. Удельный вес кооперативной торговли по количеству выбранных патентов в Самарской губернии вырос с 3,0 до 14,01 %, а в Ульяновской — с 4,3 до 7,0 %. Частный сектор при общем увеличении выбранных патентов в удельном весе заметно уменьшился в первой — с 95,2 до 83,1 %, тогда как во второй — с 93,8 до 90,9 % всего. По государственному сектору обнаруживается значительный рост патентов на ведение торговой деятельности в Самарской губернии (с 1,6 до 2,87 %) при увеличении его удельного веса в Ульяновской губернии (с 1,8 до 2 %), но снижении — в Саратовской (с 4,49 до 4,3 %) и ТР (с 3,7 до 2,8 %).

Имеющиеся данные по удельному весу товарооборота за 2-ю пол. 1924/25 года выявляют положение контрагентов в каждом районе, определяющее векторы торговли по региону в целом. Соотношение торговых оборотов государственного, кооперативного и частного секторов в Ульяновской губернии составляло 48,1:26,6:25,3 %; в Самарской — 44,0:18,4:37,6 %; в Саратовской — 52,5:24,0:23,5 %, в Татарской республике — 32,9:31,7:35,4 % [Гатаулина-Апайчева, 2007, с. 404—405]. Оно показывает рост государственной и кооперативной торговли, происходивший за счет усиления ее оптового и крупно-оптового секторов в первых трех районах. Тем не менее частный капитал при повсеместном снижении выбранных патентов не сдавал своих позиций. В Самарской губернии его товарооборот (37,6 %) был самым высоким в регионе; в Татарской республике частник занимал приоритетное место по отношению к госорганам и кооперации. Согласно анализу состояния частной торговли в товарообороте страны за 1-ю пол. 1920 года, проведенному Экономическим управлением Наркомата СССР, на повышение абсолютных размеров частных торговых оборотов повлиял кризис кооперативной системы, случившийся в 1-й пол.

1923/24 года, а их абсолютное сокращение связано с «энергичным снижением цен промтоваров и зажимом снабжения и кредитования частного торгового капитала» во 2-й пол. 1923/24 и 1-й пол. 1924/25 годов [Экономика компромисса ..., 2021, с. 778]. Но торговые обороты кооперации в ТР были самыми значительными в регионе (31,7 %), как, впрочем, и рост кооперативной сети, хотя и уступавшей таковой в Самарской губернии. В секретном обзоре информационного отдела ОГПУ о ходе ценовой кампании в провинции от 23 апреля 1924 года сообщается, что, несмотря на значительные убытки, обороты розничной кооперативной торговли Татреспублики «сильно поднялись», а обороты Татторга (в начале 1922 года из отдела Татарского СНХ превратившегося в мощный коммерческий орган) за 2 недели марта увеличились с 200—300 до 800—1200 червонцев в день [Экономика компромисса ..., 2021, с. 562].

Если в региональной торговле в целом произошел сдвиг в сторону госорганов, то в Татреспублике видим относительно сбалансированное соотношение удельного веса торговых контрагентов во 2-й пол. 1924/25 года. При этом Татреспублика сохраняла лидерство как в общем количестве торговых предприятий в регионе (11 443), так и по числу частных заведений (10 039) в 1-й пол. 1925/26 года. Это связано с достаточно эффективным экономическим механизмом Казанского Поволжья, сформировавшимся в дореволюционный период. Развитие хозяйственных связей между народами Волжско-Камского края, втягивающегося в орбиту капиталистических отношений, создавало основу для интернационализации производства. Знание языков своих соседей способствовало осуществлению собственных интересов в торговых операциях татарских организаций, завидной активности отдельных предпринимателей [РГАСПИ, ф. 17, оп. 15, д. 72, л. 207]. Представляется, что во многом благодаря этому опыту регион сумел преодолеть голод и начать хозяйственную деятельность. Руководство торговых ведомств страны признавало, что «частная торговля... исполняет необходимые функции», «до сих пор остается значительным рыночным фактором», подчинить который «своему прямому влиянию государственных и кооперативные органы не могли» [Экономика компромисса ..., 2021, с. 518, 789, 790].

3.3. Рыночная инфраструктура и политика регулирования в регионе

Регулирование торговли в начальный период было направлено на защиту экономики от рыночной стихии. Председатель Комвнуторга А. М. Лежава в своей аналитической записке в СНК РСФСР от 13 июня 1923 года указывал, что регулирование деятельности частника должно содействовать «увязке в одно целое разрозненных отдельных районов и отраслей рынка», «укре-

плению рыночных цен», «правильному построению торгового аппарата, способного быстро и дешево проводить товары от производителя к потребителю» [Экономика компромисса ..., 2021, с. 517]. По мнению А. М. Лежавы, особая роль в «увязке и образовании правильно и закономерно действующего рынка» принадлежала ярмаркам, которые «по природе своей» призваны «быть регулирующим народное хозяйство фактором» [Там же].

В тяжелых условиях начального периода и при отсутствии средств могли открыться только уездные и волостные торжища. Так, в ярмарках в Петровском уезде Саратовской губернии за период с 1 октября 1923 года до 1 октября 1924 года участвовали 4 государственных заведения, 24 кооперативных и 335 частных. В декабре 1924 года на ярмарке в Вязьменской волости можно было купить колбасу чайную или языковую по цене 25 коп., сковорода же предлагалась за 1 руб. Самыми дорогими из товаров были мануфактура, продававшаяся за 3,8 руб. аршин и чай китайский стоимостью в 3 р. 26 коп., самым дешевым — керосин — по 5 коп. за фунт [ГАСар.О, ф. 441, оп. 1, д. 309, л. 7, 21]. В Ульяновской губернии к середине 1920-х годов было восстановлено 29 торгов в 20 населенных пунктах с оборотом в 1 322 600 руб., что составляло 74,4 % довоенного оборота [ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 910, л. 60]. В сентябре 1924 года возобновила торги одна из самых крупных в губернии осенняя недельная ярмарка «Иван Постный», на которой госорганы реализовали только 7 % продукции, тогда как кооперация и частники сумели продать 74,8 % и 63,9 % соответственно. Продукция первых отличалась дороговизной, тогда как кооперативные и частные организации предлагали самый ходовой, необходимый в хозяйстве товар — лошадей. Их привоз на эту ярмарку до революции доходил до 4000 единиц. В сентябре 1924 года из количества в 1501 остались непроданными 150 единиц, или всего 10 %. [ГАУО, ф. 283, оп. 1, д. 85, л. 160]. Главным товаром «Сборной» ярмарки в Симбирске весной 1925 года была легкая мануфактура московских фабрик и так называемая тяжелая мануфактура местного производства. Но 53,3 % предложенного товара в целом остались нереализованными опять же по причине его дороговизны, в том числе 21,5 % по мануфактуре и 48,8 % — по кожтоварам. Показательно, что в 148 ярмарках, которые состоялись в 96 из 106 волостей Саратовской губернии до 1925 года, приняли участие 3527 частных торговцев, кооператоров — 516, а госпредприятий — только 54 [ГАСар.О, ф. 441, оп. 1, д. 19, л. 16].

Новые документы подтверждают факт высокой концентрации частного капитала, торгующего мануфактурой, недостаток которой влиял на темп заготовок хлеба. В секретном письме временно исполняющего обязанности директора Татнаркомвнutorга Дукальского в Наркомвнutorг СССР от 20 декабря 1924 года сообщалось, что республика испытывала сильнейший

мануфактурный голод, обусловивший медленный темп заготовки хлеба, когда из намеченных 58 % годового плана выполнили только 24 % [Экономика компромисса ..., 2021, с. 609]. Из письма следует, что мануфактура поставлялась Центром в ограниченном количестве. Власти ТР принимали все меры к тому, чтобы хлопчатобумажный товар целиком попадал в деревню через аппарат Татторга и Татсоюза по ценам, делающим для крестьян «приемлемыми наши лимиты на хлеб». В то же время значительная часть мануфактуры попадала в руки казанского частника и продавалась по «непомерно вздутым ценам» [Там же, с. 609]. Дукальский сообщал, что из-за отсутствия денег Селькредпромсоюз вынужден прибегать к посредничеству Татбанка. Но тот приобретал мануфактуру для союза на своих условиях — с правом распоряжения тканью и продажи $\frac{1}{4}$ ее части исключительно частным оптовикам-мануфактуристам с 15—20-процентной «накидкой». Директор ТатНКВТорга считал это явление ненормальным, просил центральный орган «дать указания по его ликвидации» [Там же, с. 610]. В сводке № 13 2-го отделения Экономического управления ОГПУ по кооперации от 2 января 1925 года также отмечается дефицит ткани в Татреспублике, особенно в кооперативах и госорганах Чистопольского, Тетюшского и Буинского кантонов. Указывается, что имеющийся товар госорганы и кооперация действительно продавали частным торговцам, которые закупали его впрок, по слухам, на случай выдачи по карточкам [Там же, с. 616].

Как видно, частник играл значительную роль в торговых операциях, становясь на мануфактурном рынке оптовиком, торгующим приобретенным товаром существенно дороже государственных и кооперативных организаций. В этом замкнутом круге разнонаправленных интересов торговых агентов население саботировало властные инициативы, наглядно демонстрируя оборотную сторону кооперации. В сводке сообщается, что в татарских селениях крестьяне не желали создавать кооперативы, а новым потребительским обществам не доверяли, отказываясь от уплаты членских взносов. Если в Тетюшском кантоне значилось 55 сельскохозяйственных кредитных организаций и потребительских обществ с 2210 членами, то в Буинском таковых было всего 12 и их работа отмечалась как неудовлетворительная по причине «проникновения в них и агитации кулаков» [Там же, с. 616—617]. Заместитель ТатНКВТорга Башкиров в секретном письме наркому внутренней торговли СССР А. Л. Шейнману от 9 апреля 1925 года был вынужден подтвердить, что хлебозаготовительная кампания в Татреспублике протекала «в условиях непрекращающейся борьбы за рынок наших плановых заготовителей с частным капиталом» [Там же, с. 651].

Нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов смотрел на ситуацию иначе и свой взгляд подробно изложил в секретной докладной записке в Политбюро

ЦК РКП(б) «О регулировании цен сельскохозяйственного рынка» 17 апреля 1925 года. Руководитель ведомства дал критическую оценку политике власти по отношению к крестьянству в заготовительный период как «совершенно неправильной линии», когда «проектирование цен и план заготовок велись без учета неурожая в ряде губерний» [Там же, с. 653—654]. Установив пониженные на 30 % против довоенных лимиты на зерновые продукты тогда, когда рынок уже устойчиво повысился, Совет труда и обороны фактически создал благоприятные условия для частного капитала [Там же, с. 654]. По мнению А. П. Смирнова, недооценка зерновых продуктов при заготовках 1924/25 года привела к тому, что именно в урожайных районах особенно резко раздвинулись «ножницы» и вместо экономического получилось административное регулирование [Там же, с. 654]. При пониженных лимитах и давлении на цены в осенний период страдали прежде всего середняцкие и маломощные хозяйства. Когда же лимиты отменялись, то выгоды от повышения цен доставались более состоятельным слоям, что также можно расценивать как недочет регулирования. При этом налоговый пресс был так использован, что «фактически получилось изъятие излишков» и «реально уплаченный налог был выше, чем налог 1923/24 года» [Там же, с. 656].

Деревня же страдала от отсутствия средств. Растущая безлошадность, достигающая почти 40 %, огромная потребность в долгосрочном сельскохозяйственном кредите, слабое развитие вкладных операций в низовой сети, а также большой (хотя и уступающий довоенному) спрос на сельхозмашины и самые дешевые типы орудий свидетельствовали о маломощности крестьянских хозяйств [Там же]. Таким же вызывающим беспокойство было положение и в кооперации. Как только крестьяне объединялись для сбыта своей продукции, их организация немедленно попадала под регулирование, предполагающее обязательные поставки, которые производятся по твердым ценам, и тогда от всего кооперативного сбыта «не остается буквально ни хвостика» [Там же, с. 655].

А. П. Смирнов утверждал, что нельзя искать политическую опору в деревне, говорить о рационализации и интенсификации и в то же время практически вести политику обесценивания капитала крестьянского хозяйства. Ведь «когда с.х. кредит составляет всего 4 рубля на двор против 20 руб. довоенных», это означает, что кредита нет, свой капитал не накапливается. Подобная система государственного регулирования направлена против крестьянина, и «мужик это прекрасно понимает» [Там же, с. 656]. Свои рассуждения нарком земледелия подкрепил сравнительными данными о соотношении цен на продукты сельского хозяйства и предметы промышленности в 1913 и 1924 годах в разных районах страны. В частности, в Волжско-Камском районе аршин ситца и 1 пуд ржи в 1913 году стоили 4,5 руб., в октябре

1924 года — 1,5 руб., в Средне-Волжском (с пометкой — Саратов) — 5,4 и 3,7 руб. соответственно. В первом стоимость аршина ситца и 1 пуда говядины в 1913 году составляла 30 руб, в октябре 1924 года — 7,6 руб., во втором — 31,3 и 8,0 руб. соответственно. «Сколько заплатим, так нам и отзовется», — предупреждал ответработник [Там же, с. 655, 657].

Годом ранее председатель правления Сельскохозяйственного союза П. А. Садырин на XV сессии совета Сельскохозяйственного союза в своем докладе о развитии сельскохозяйственной кооперации от 17 ноября 1924 года отмечал, что пассивность крестьянства усугубляется неблагоприятным фоном его бедности, недостаточностью капиталов у сельскохозяйственной кооперации, а также нагруженностью различного рода государственными заданиями, превышающими силы и возможности, которые у нее имеются. Решение проблемы руководитель союза видел в изменении методов работы: «Не директивы крестьянским хозяйствам давать, а принимать задания снизу, от крестьянства... выявлять, что крестьянству нужно...» [Там же, с. 135]. Следующий шаг — создание условий, при которых крестьянин мог бы нести свои свободные наличные средства в кредитную кооперацию для развития товарного оборота. «Ведь строить хозяйство на одни государственные средства совершенно невозможно». Наконец, как бы ни было трудно, надо развивать материальную самостоятельность населения через товарный кредит в направлении «крестьяне — первичная кооперация — союз — центр», он должен выступать как целостная система, привносящая в крестьянское хозяйство рациональность, принципы коллективизации, ставящая его на более экономичные, более жизненные основы и принципы в его развитии [Там же, с. 137].

Проблема отсутствия финансовых средств, а также средств доставки или приобретения товаров получила свое отражение на Нижегородской ярмарке 1924 года. Из 603 зарегистрированных фирм только 230 смогли реализовать грузы общим количеством всего 1 790 583 пудов [РГАЭ, ф. 8151, оп. 1, д. 86, л. 24]. Низовая кооперация заявила о себе высоким спросом на мануфактуру, за которую готова была платить 30 % наличными [Экономика компромисса ..., с. 588]. Однако этот спрос удовлетворялся настолько незначительно, что прибывшие кооператоры возмущались и обвиняли устроителей в том, что их «вытащили на ярмарку, ввели в большие расходы и ничего не дали» [Там же]. Инструктор Наркомвнуторга СССР П. П. Иванов в секретном рапорте от 27 августа 1924 года сообщал, что обороты ярмарки малы, рассчитывать можно не более чем на 50 млн, «нет мануфактуры, посуды, сахара... оцинкованной и эмалированной посуды, резиновых изделий» [Там же, с. 590].

Оборот Нижегородской ярмарки 1925 года, на которую 460 фирм доставили 2 020 162 пудов товаров, составил 150 млн руб. [РГАЭ, ф. 8151,

оп. 1, д. 86, л. 24]. Но ярмарка потеряла свое былое значение. Не только дефицит кредитных и наличных денежных средств был причиной отсутствия динамики в торговых операциях. Опыт организации Нижегородской ярмарки 1924 года выявил спрос на продукцию, которая попросту не была доставлена. Так, представительство Вольского комбината из Саратовской губернии осталось не удовлетворено результатами торгов: новых товаров не приобрели; товары, необходимые крестьянству, отсутствовали, а ярмарка вызвала лишние расходы [Там же, д. 23, л. 55]. Спрос Сердобского райсоюза, сумевшего приобрести 20 % мануфактуры и 30 % кожи, был удовлетворен всего на 25 % [ГАСар.О, ф. 441, оп. 1, д. 309, л. 99]. Представитель ярмарочного комитета С. В. Малышев подтвердил, что ярмарка была «тяжелой и происходила в страшной борьбе за товары». «Товаров было так мало, а спрос на них столь велик, что приходилось принимать экстраординарные меры на уровне СТО» [Там же, л. 191].

Анализ ярмарочной торговли 1926 года выявил новый аспект проблемы. Докладывая об итогах Нижегородской ярмарки, показавшей уменьшение собственно торговых и увеличение торгово-производственных предприятий и кустарей, С. В. Малышев обратил внимание на отношение к ней со стороны центральных государственных органов. По его мнению, «правительство перестало придавать ярмарке крупное всесоюзное значение... что крайне понижало настроение на местах и замедляло подготовку ярмарки» [Экономика компромисса ..., с. 806, 818]. Бессменный глава комитета упрекнул Наркомторг в «отсутствии четкой линии» в организации ярмарки, подверг критике Экономическое управление, которое в самый горячий период «начало ставить палки в колеса»: говорило о ненужности ярмарки, назначало ревизионную комиссию для ее обследования, тем самым «нервируя работников аппарата и отрывая его от работы» [Там же, с. 807]. С. В. Малышев считал, что если в предшествующие годы ярмарочный комитет регулировал торг общественными и коммерческими методами, то в 1926 году специально назначенный для этого уполномоченный Наркомторга проводил регулирующие мероприятия административного характера [Там же, с. 808].

Возрождение ярмарок было значимым явлением хозяйственной жизни населения региона, которое после тяжелых лет лишений и голода стремилось и продать, и купить. Однако хронические проблемы ярмарочной торговли, ее неравномерность и скромные обороты в условиях «бестоварья» и, главное, сложное отношение центральных органов к ее организации и проведению — все это отрицательно влияло на дальнейшую судьбу некогда знаменитого поволжского торжища, способствовало постепенному разрушению рыночной инфраструктуры.

4. Заключение = Conclusions

Выступая на VII Московской губпартконференции 29 октября 1921 года, В. И. Ленин не раз повторил расхожее в партийных рядах суждение: «Нас в тюрьмах торговать не учили». Стараясь убедить присутствующих в необходимости научиться «понимать коммерческие отношения и торговлю», он привлекал самые различные аргументы, показывал проблему с разных сторон [Ленин, 1974, с. 218]. Но рынок уже возник в России и задолго до прихода большевистской власти показал свою результативность. Поэтому реализация новой экономической политики стала возрождением досоветского опыта, обеспечивающего выход страны из кризиса, открывшего возможность сбалансированного способа существования политико-экономической системы в новых условиях. Опыт хозяйствования в Среднем Поволжье, на два года позднее других регионов вступившем на путь реализации нэпа, показывает, что рынок — универсальный инструмент, обладающий мощным восстановительным ресурсом. Однако региональная экономика первой половины 1920-х годов характеризовалась замедленными темпами накопления, бескредитностью, пониженными доходами хозяйств и, в целом, низким уровнем жизни населения. На преодоление этих тяжелых явлений требовалось время, и первые ростки новой политики могли принести плоды при слаженном действии механизма регулирования, учитывающего интересы всех участников рынка. На начальном этапе нэпа компромисс власти и общества задал оптимальные пределы вмешательства государства в рыночный процесс. Его корректировка происходила под влиянием трудностей переходного периода, а идеологическое давление со стороны большевистских ортодоксов было сведено к минимуму. Новые документы отражают представление властных структур о необходимости регулирования. Но если одни их представители демонстрировали взвешенный подход к оценке роли рынка, ориентируясь на показатели его эффективности в дореволюционной экономике России, другие были склонны использовать упрощенные способы в реализации насущных задач, вводя практику административного регулирования и, таким образом, сводя на нет усилия «многоукладной» массы нэпманского торга. Главный урок нэпа состоит в том, чтобы в политических проектах страны ее прошлое, настоящее и будущее связывались неразрывной линией преемственности — основы поступательного развития как единственной гарантии от безответственных социальных экспериментов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares № conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРТ — *Государственный* архив Республики Татарстан. Ф. Р990 (Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской инспекции). Ф. Р990. Оп. 1. Д. 156. Л. 7 ; Ф. Р1296 (Татарское статистическое управление). Ф. Р1296. Оп. 2. Д. 201. Л. 86 ; Оп. 4. Д. 186. Л. 1 ; Ф. Р1488 (Народный комиссариат внутренней торговли). Ф. Р1488. Оп. 2. Д. 51. Л. 1, 37 ; Ф. Р3452 (Народный комиссариат финансов ТАССР). Ф. Р3452. Оп. 1. Д. 1661. Л. 103.
2. ГАУО — *Государственный* архив Ульяновской области. Ф. Р101 (Губернское статистическое бюро). Ф. Р101. Оп. 1. Д. 910. Л. 47а, 56, 60; Ф. Р283 (Кооперация, торговля). Ф. Р283. Оп. 1. Д. 85. Л. 160; Ф. Р334 (Плановая комиссия Ульяновского губернского исполнительного комитета). Ф. Р334. Оп. 1. Д. 95. Л. 56.
3. ГАСам.О. — *Государственный* архив Самарской области. Ф. Р796 (Самарская губернская рабоче-крестьянская инспекция). Ф. Р796. Оп. 10. Д. 117. Л. 55 ; Ф. Р839 (Самарский губернский торговый отдел). Ф. Р839. Оп. 2. Д. 39. Л. 7.
4. ГАСар.О — *Государственный* архив Саратовской области. Ф. Р441 (Торговля). Ф. Р441. Оп. 1. Д. 19. Л. 16 ; Д. 85, Л. 160 ; Д. 309. Л. 7, 21, 99, 191 ; Д. 603. Л. 28.
5. *Гражданский Кодекс* Р.С.Ф.С.Р. Вещное право. Право собственности // Собрание кодексов Р.С.Ф.С.Р. — 4-е изд. — Москва : Юридическое изд-во, 1927. — 1188 с.
6. *Крестьянское движение* в Поволжье. 1919—1922 : документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 944 с. — ISBN 5-8243-0298-7.
7. *Ленин В. И.* Речь на I Всероссийском совещании по партийной работе в деревне 18 ноября 1919 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 39. — С. 309—317.
8. *Ленин В. И.* О продовольственном налоге / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 43. — С. 205—245.
9. *Ленин В. И.* Доклад о новой экономической политике 29 октября / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 44. — С. 193—220.
10. *Ленин В. И.* Заключительное слово 29 октября / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 44. — С. 214—220.
11. *Ленин В. И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 44. — С. 221—229.
12. *Ленин В. И.* Речь при открытии съезда 27 марта / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 45. — С. 67 — 116.
13. *Ленин В. И.* Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. — Т. 45. — С. 245—251.
14. *Ленин В. И.* Пять лет российской революции и перспективы мировой революции / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5 изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1975. — Т. 45. — С. 278—294.
15. *Письма во власть : 1917—1927 : заявления, жалобы. Доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям* / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 664 с.
16. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической информации. Ф. Р17 (Организационно-инструкторский и организационно-распределительный отдел ЦК РКП(б) и ЦК ВКП(б)). Ф. Р17. О. 15. Д. 72. Л. 207.

17. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. Р1691 (Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации — Главкустпром ВСНХ). Ф. Р1691. Оп. 1. Д. 67. Л. 1 ; Ф. Р8151 (Комиссия по внутренней торговле. — Комвнторг). Ф. Р8151. Оп. 1. Д. 86. Л. 24; Оп. 1. Д. 23. Л. 55.
18. *Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1921 г.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://znanium.ru/read?id=165652> (дата обращения 8.08.2024).
19. *Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1922 г.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://archive.org/details/Sobranie_uzakoneniy_i_rasporyazheniy_pravitelstva_za_1922/page/n317/mode/2up (дата обращения 8.08.2024).
20. «*Совершенно секретно...*». Лубянка– Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). — Москва : ИРИ РАН, 2001. — 1093 с.
21. *Советская товарная биржа. 20-е годы. Документы и материалы* / Сост., комм. и вступ. статья Н. В. Московченко. — Москва : Изд-во «ДЕЛО», 1992. — 343 с. — ISBN 5–85900 005 7.
22. *Экономика компромисса. К 100-летию НЭПа в России: сборник документов / научный редактор А. В. Юрасов ; ответственные редакторы Е. Р. Курапова, В. С. Пушкарев.* — Москва : Кучково поле Музеон, 2021. — 872 с. — ISBN 978-5-907.

Литература

1. *Бокарев Ю. П.* НЭП как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система / Ю. П. Бокарев // *НЭП : экономические, политические и социокультурные аспекты*. — Москва : РОССПЭН, 2006. — С. 121—133. — ISBN 5-8055-0164-3.
2. *Бородкин Л. И.* Моделирование социальной динамики крестьянства в годы НЭПа : альтернативный ретропрогноз / Л. И. Бородкин // *История и математика : концептуальное пространство и направление поиска* / Ежегодник. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. — С. 99—122. — ISBN 978-5-382-00514-0.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. : в 3-х томах. — Структура повседневности : возможное и невозможное / Ф. Бродель. — Москва : Прогресс, 1986. — Т. 1. — 622 с.
4. *Виноградов С. В.* Возрождение многоукладной экономики Российской Федерации в годы НЭПа, 1921—1927 гг. : На материалах Поволжья : автореферат диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / С. В. Виноградов. — Москва, 1998. — 32 с.
5. *Гатауллина-Апайчева И. А.* Среднее Поволжье в годы новой экономической политики. Социально-экономические процессы и повседневность / И. А. Гатауллина-Апайчева. — Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2007. — 432 с. — ISBN 978-5-7464-1477-9.
6. *Данилов В. П.* К вопросу о понимании НЭПа / В. П. Данилов // *НЭП : экономические, политические и социокультурные аспекты*. — Москва : РОССПЭН, 2006. — С. 26—32. — ISBN 5-8055-0164-3.
7. *Данилов В. П.* НЭП и его судьба / В. П. Данилов // *Историки спорят. Тринадцать бесед*. — Москва : Политиздат, 1989. — С. 12—190. — ISBN 5-250-01038-5.
8. *Дэвис Р.* Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернативы / Р. Дэвис // *Россия в XX веке : Историки мира спорят*. — Москва : Наука, 1994. — С. 311—318. — ISBN 5-02-009724-1.
9. *Демчик Е. В.* Частный капитал в экономике Сибири периода нэпа / Е. В. Демчик. — Барнаул : Пять Плюс, 2018. — 261 с. — ISBN 978-5-6041019-3-3.
10. *Дихтяр Г. А.* Советская торговля в период построения социализма / Г. А. Дихтяр. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 472 с.

11. *Дмитренко В. П.* Торговая политика Советского государства после перехода к НЭПу. 1921—1924 гг. / В. П. Дмитренко. — Москва : Наука, 1971. — 269 с.
12. *Дмитренко В. П.* Проблемы НЭПа в советской историографии 1960—1970-х годов / В. П. Дмитриенко // Новая экономическая политика : Вопросы теории и истории. — Москва : Наука, 1974. — С. 260—302.
13. *Дмитренко В. П.* Четыре измерения НЭПа / В. П. Дмитренко // Вопросы истории КПСС. — 1991. — № 3. — С. 125—138.
14. *Жуков Ю. Н.* Обратная сторона НЭПа. 1923—1925 годы. Экономика и политическая борьба в СССР / Ю. Н. Жуков. — Москва : Концептуал, 2019. — 377 с. — ISBN 978-5-906867-20-9.
15. *Журавлев С. В.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы / С. В. Журавлев, А. К. Соколов // Социальная история : Ежегодник : 1997. — Москва : РОССПЭН, 1998. — С. 287—332. — ISBN 5-8243-0135-2.
16. *Журавлев С. В.* “Крепость социализма” : Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. / С. В. Журавлев, М. Ю. Мухин. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 238 с. — ISBN 5-8243-0524-2.
17. *Историки спорят : 13 бесед.* — Москва : Политиздат, 1989. — 510 с. — ISBN 5-250-01038-5.
18. *Карр Э.* История Советской России : в 14 кн. : перевод с английского / Э. Карр. — Москва : Прогресс, 1989. — 365 с. — ISBN 5-01-002968-5.
19. *Коэн С.* Бухарин : политическая биография. 1888—1938 / С. Коэн. — Москва : Прогресс ; Минск : Беларусь, 1989. — 570 с. — ISBN 5-01-001900-0.
20. *Килин А. П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа : экономические, политические и социальные аспекты / А. П. Килин. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2018. — 604 с. — ISBN 978-5-7996-2445-3.
21. *Коммунист идет на выборы с лозунгом «Понгнали в капитализм и хватит»* [Электронный ресурс]. — Режим доступа <https://1prime.ru/20240111/842772279.html> (дата обращения: 19.08.2024).
22. *Кондрашин В. В.* Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа / В. В. Кондрашин // Время подводить итоги? Российская история. — 2020. — № 5. — С. 3—14.
23. *Кудрявцев В.* Предисловие / В. Кудрявцев // НЭП. Взгляд со стороны. — Москва : Моск. рабочий, 1991. — 304 с. — ISBN 5-239-01271-7.
24. *Лацис О. Р.* Перелом : Опыт прочтения несекретных документов / О. Р. Лацис. — Москва : Политиздат, 1990. — 399 с. — ISBN 5-250-01112-8.
25. *Лихолет О. В.* Социальная политика Советской власти в первые годы НЭПа и формирование системы государственного контроля : (на материалах Нижнего Поволжья) / О. В. Лихолет. — Астрахань : Сорокин Р. В., 2016. — 111 с. — ISBN 978-5-91910-499-5.
26. *Лошаков А. В.* Борьба с преступностью на территории Симбирской (Ульяновской) губернии в 1918—1928 гг. : автореферат диссертация ... кандидата исторических наук / А. В. Лошаков. — Саранск, 2019. — 23 с.
27. *Люттов Л. Н.* Обречённая реформа : Промышленность России в эпоху нэпа / Л. Н. Люттов. — Ульяновск : Ульян. гос. ун-т, 2002. — 266 с. — ISBN 5-88866-107-4.
28. *Мартынов С. Д.* Государство и экономика. Система Витте / С. Д. Мартынов. — Санкт-Петербург : Наука, 2002. — 402 с. — ISBN 5-02-028509-9.

29. Мухин М. Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? = Century of Study of the New Economic Policy. Time to Take Stock? / М. Мухин // Российская история. — 2020. — № 5. — С. 3—14. — DOI: 10.31857/S086956870012177-5.
30. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И. Нарский. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 632 с. — ISBN 5-8243-0280-4.
31. Орлов В. В. Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века : Монография / В. В. Орлов. — Москва : Изд-во РГАЗУ, 2009. — 395 с. — ISBN 978-5-901240-33-5.
32. Орлов И. Б. Современная отечественная историография НЭПа : достижения, проблематика, перспективы / И. Б. Орлов // Отечественная история. — 1999. — № 1. — С. 102—116.
33. Орлов И. Б. НЭП как антикризисная политика / И. Б. Орлов // Вестник Московского государственного областного университета. — 2021. — № 2. — С. 9—22. — DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-9-22.
34. Павлюченков С. А. Россия нэповская / С. А. Павлюченков. — Москва : Новый хронограф, 2002. — 468 с. — ISBN 5-94881-003-8.
35. Полянская Л. Ю. Формирование нового социокультурного облика крестьянства Среднего Поволжья в период НЭПа / Л. Ю. Полянская. — Москва : РОССПЭН, 2017. — 237 с. — ISBN 978-5-8243-2173-9.
36. Попов Г. Х. Блеск и нищета административной системы / Г. Х. Попов. — Москва : ПИК, 1990. — 238 с.
37. Прокопович С. Н. Что дал России НЭП? (Из «Русского экономического сборника») / С. Н. Прокопович // НЭП. Взгляд со стороны. — Москва : Моск. рабочий, 1991. — С. 11—57. — ISBN 5-239-01271-7.
38. Роголина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство / Н. Л. Роголина // НЭП : приобретения и потери. — Москва : Наука, 1994. — С. 139—149. — ISBN 5-02-009759-4; 9-78-502009-759-9.
39. Роголина Н. Л. НЭП в свете современных документальных публикаций / Н. Л. Роголина // НЭП : экономические, политические и социокультурные аспекты. — Москва : РОССПЭН, 2006. — С. 55—72. — ISBN 5-8055-0164-3.
40. Роговин В. З. Была ли альтернатива? “Троцкизм” : взгляд через годы / В. З. Роговин. — Москва : Изд. центр “Терра”, 1992. — 400 с. — ISBN 5-85255-128-7.
41. Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР / Г. Л. Рубинштейн. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. — 396 с.
42. Сенявский А. С. Новая экономическая политика : современные подходы и перспективы изучения / А. С. Сенявский // НЭП : экономические, политические и социокультурные аспекты. — Москва : РОССПЭН, 2006. — С. 5—25. — ISBN 5-8055-0164-3.
43. Стулов А. Н. Торговля как фактор социально-экономического развития на Кубани в условиях НЭПа : 1921—1929 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук / А. Н. Стулов. — Армавир, 2024. — 212 с.
44. Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика. Между государством и рынком / Л. Н. Суворова. — Москва : АИРО-XXI, 2013. — 303 с. — ISBN 978-5-91022-234-6.
45. Фельдман М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа / М. А. Фельдман // Отечественная история. — 2003. — № 5. — С. 20—30.
46. Чуканов И. А. Советская экономика в 1920-е годы : новый взгляд : (На материалах Сред. Поволжья) / И. А. Чуканов. — Москва : Компания Спутник+, 2001. — 382 с. — ISBN 5-93406-116-X.

47. Шмелев Н. На переломе. Экономическая перестройка в СССР / Н. Шмелев, В. Попов. — Москва : Изд-во Агентства печати “Новости”, 1989. — 398 с. — ISBN 5-7020-0067-6.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

- Collection of laws and Government orders for 1921*. Available at: <https://znanium.ru/read?id=165652> (accessed 08.08.2024). (In Russ.).
- Collection of laws and Government orders for 1922*. Available at: https://archive.org/details/Sobranie_uzakonieniy_i_rasporyazheniy_pravitelstva_za_1992/page/n317/mode/2up (accessed 08.08.2024). (In Russ.).
- GAO — *The State Archive of the Ulyanovsk region. F. P101 (Provincial Statistical Bureau)*. (In Russ.).
- GARTH — *The State Archive of the Republic of Tatarstan. F. P990 (People's Commissariat of Workers' and Peasant's Inspection)*. (In Russ.).
- GASam.O — *The State Archive of the Samara region*. (In Russ.).
- Gasar.O — *The State Archive of the Saratov region*. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). Final speech on October 29. In: *Complete Works*, 44. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 214—220. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1975). Five Years of the Russian Revolution and prospects of the World Revolution. In: *Complete Works*, 45. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 278—294. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). On the food tax. In: *Complete Works*, 43. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 205—245. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). On the significance of gold now and after the complete victory of socialism. In: *Complete Works*, 44. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 221—229. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). Report on the new economic policy on October 29. In: *Complete Works*, 44. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 193—220. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). Speech at the First All-Russian conference on Party work in the countryside on November 18, 1919. In: *Complete Works*, 39. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 309—317. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). Speech at the IV session of the Central Executive Committee of the IX convocation on October 31, 1922. In: *Complete Works*, 45. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 245—251. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). Speech at the opening of the Congress on March 27. In: *Complete Works*, 45. Moscow: Publishing House of Political Science. lit. 67—116. (In Russ.).
- Letters to the authorities: 1917—1927: statements, complaints. Denunciations, letters to government agencies and Bolshevik leaders*. (1998). Moscow: ROSSPEN. 664 p. (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. R1691 (Main Department of Handicraft and small industry and commercial cooperation — Glavkustprom VSNKh)*. (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-political Information. F. R17 (Organizational and instructional and organizational and distribution Department of the Cen-*

- tral Committee of the Russian Communist Party (b) and the Central Committee of the CPSU(b).* (In Russ.).
- The Civil Code of R.S.F.S.R. Property law. Ownership rights. (1927). In: *Collection of Codes of the R.S.F.S.R.* Moscow: Law Publishing House. 1188 p. (In Russ.).
- The economics of compromise. On the 100th anniversary of the New Economic Policy in Russia: a collection of documents.* (2021). Moscow: Kuchkovo Field Museum. 872 p. ISBN 978-5-907. (In Russ.).
- The peasant movement in the Volga region. 1919—1922: documents and materials.* (2002). Moscow: ROSSPEN. 944 p. ISBN 5-8243-0298-7. (In Russ.).
- The Soviet Commodity Exchange. The 20s. Documents and materials.* (1992). Moscow: Publishing house “DELO”. 343 p. ISBN 5-85900 005 7. (In Russ.).
- “Top secret...”. *Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922—1934).* (2001). Moscow: IRI RAS. 1093 p. (In Russ.).

References

- A communist goes to the polls with the slogan “Let’s play capitalism and that’s enough”.* Available at: <https://1prime.ru/20240111/842772279.html> (accessed 19.08.2024). (In Russ.).
- Bokarev, Yu. P. (2006). NEP as a self-organizing and self-destructive system. In: *NEP: economic, political and socio-cultural aspects.* Moscow: ROSSPEN. 121—133. ISBN 5-8055-0164-3. (In Russ.).
- Borodkin, L. I. (2008). Modeling the social dynamics of the peasantry during the NEP years: an alternative retrospective forecast. In: *History and Mathematics: conceptual space and search direction / Yearbook.* Moscow: LKI Publishing House. 99—122. ISBN 978-5-382-00514-0. (In Russ.).
- Braudel, F. (1986). *Material civilization, economics and Capitalism, XV—XVIII centuries: in 3 volumes. The structure of everyday life: the possible and the impossible, 1.* Moscow: Progress Publ. 622 p. (In Russ.).
- Carr, E. (1989). *The History of Soviet Russia: in 14 books.* Moscow: Progress. 365 p. ISBN 5-01-002968-5. (In Russ.).
- Chukanov, I. A. (2001). *The Soviet economy in the 1920s: a new look: (Based on the materials of the Environment. Volga Region).* Moscow: Sputnik+ Company. 382 p. ISBN 5-93406-116-X. (In Russ.).
- Cohen, S. (1989). *Bukharin: a political biography. 1888—1938.* Moscow: Progress; Minsk: Belarus. 570 p. ISBN 5-01-001900-0. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (1989). NEP and its fate. In: *Historians argue. Thirteen conversations.* Moscow: Politizdat Publ. 12—190. ISBN 5-250-01038-5. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (2006). On the question of understanding the NEP. In: *NEP: economic, political and socio-cultural aspects.* Moscow: ROSSPEN. 26—32. ISBN 5-8055-0164-3. (In Russ.).
- Davis, R. (1994). The development of Soviet society in the 20s and the problem of alternatives. In: *Russia in the twentieth century: Historians of the world argue.* Moscow: Nauka Publ. 311—318. ISBN 5-02-009724-1. (In Russ.).
- Demchik, E. V. (2018). *Private capital in the economy of Siberia during the NEP period.* Barnaul: Five Plus. 261 p. ISBN 978-5-6041019-3-3. (In Russ.).
- Dikhtyar, G. A. (1961). *Soviet trade in the period of building socialism.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences. Sciences of the USSR. 472 p. (In Russ.).

- Dmitrenko, V. P. (1971). *Trade policy of the Soviet state after the transition to the New Economic Policy. 1921—1924*. Moscow: Nauka Publ. 269 p. (In Russ.).
- Dmitrenko, V. P. (1974). Problems of the NEP in Soviet historiography of the 1960s and 1970s. In: *New Economic Policy: Issues of Theory and History*. Moscow: Nauka Publ. 260—302. (In Russ.).
- Dmitrenko, V. P. (1991). Four dimensions of the New Economic Policy. *Questions of the history of the CPSU*, 3: 125—138. (In Russ.).
- Feldman, M. A. (2003). Cultural level and political sentiments of workers of large-scale industry in the Urals during the NEP years. *Russian history*, 5: 20—30. (In Russ.).
- Gataullina-Apaicheva, I. A. (2007). *The Middle Volga region in the years of the new economic policy. Socio-economic processes and everyday life*. Kazan: Kazansk Publishing House. Univ. 432 p. ISBN 978-5-7464-1477-9. (In Russ.).
- Historians argue: 13 conversations*. (1989). Moscow: Politizdat. 510 p. ISBN 5-250-01038-5. (In Russ.).
- Kilin, A. P. (2018). *Private trade and credit in the Urals during the NEP years: economic, political and social aspects*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 604 p. ISBN 978-5-7996-2445-3. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2020). Response to M. Yu. Mukhin's article One hundred years of studying the New Economic Policy. *Time to sum up? Russian history*, 5: 3—14. (In Russ.).
- Kudryavtsev, V. (1991). Preface. In: *NEP. A view from the outside*. Moscow: Moscow. Rabochy. 304 p. — ISBN 5-239-01271-7. (In Russ.).
- Latsis, O. R. (1990). *Turning point: The experience of reading unclassified documents*. Moscow: Politizdat. 399 p. ISBN 5-250-01112-8. (In Russ.).
- Likholet, O. V. (2016). *Social policy of the Soviet government in the early years of the New Economic Policy and the formation of the system of state control: (based on the materials of the Lower Volga region)*. Astrakhan: Sorokin R. V. 111 p. ISBN 978-5-91910-499-5. (In Russ.).
- Loshakov, A. V. (2019). *The fight against crime in the territory of the Simbirsk (Ulyanovsk) province in 1918—1928*. Author's abstract of PhD Diss. Saransk. 23 p. (In Russ.).
- Lyutov, L. N. (2002). *The doomed reform: Russian industry in the era of NEP*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. 266 p. ISBN 5-88866-107-4. (In Russ.).
- Martynov, S. D. (2002). *The State and Economics. Witte's system*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 402 p. ISBN 5-02-028509-9. (In Russ.).
- Mukhin, M. Y. (2020). One hundred years of studying the New Economic Policy. Is it time to take stock? = Century of Study of the New Economic Policy. Time to Take Stock? *Russian History*, 5: 3—14. DOI: 10.31857/S086956870012177-5. (In Russ.).
- Narsky, I. V. (2001). *Life in disaster: Everyday life of the Urals population in 1917—1922*. Moscow: ROSSPEN. 632 p. ISBN 5-8243-0280-4. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (1999). Modern Russian historiography of the NEP: achievements, problems, prospects. *Russian History*, 1: 102—116. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2021). NEP as an anti-crisis policy. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2: 9—22. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-9-22. (In Russ.).
- Orlov, V. V. (2009). *Ethnopolitical and socio-economic aspects of the development of Chuvashia in the 20s of the twentieth century: A monograph*. Moscow: Publishing House of RGAZU. 395 p. ISBN 978-5-901240-33-5. (In Russ.).
- Pavlyuchenkov, S. A. (2002). *Russia Nepovskaya*. Moscow: Novy Chronograph. 468 p. ISBN 5-94881-003-8. (In Russ.).

- Polyanskova, L. Y. (2017). *Formation of a new socio-cultural image of the peasantry of the Middle Volga region during the NEP period*. Moscow: ROSSPEN. 237 p. ISBN 978-5-8243-2173-9. (In Russ.).
- Popov, G. H. (1990). *Splendor and poverty of the administrative system*. Moscow: PIK Publ. 238 p. (In Russ.).
- Prokopovich, S. N. (1991). What did the NEP give Russia? (From the “Russian Economic Collection”). In: *NEP. A view from the outside*. Moscow: Moscow. Rabochy. 11—57. ISBN 5-239-01271-7. (In Russ.).
- Rogalina, N. L. (1994). New Economic Policy and the peasantry. In: *NEP: acquisitions and losses*. Moscow: Nauka Publ. 139—149. ISBN 5-02-009759-4; 9-78-502009-759-9. (In Russ.).
- Rogalina, N. L. (2006). NEP in the light of modern documentary publications. In: *NEP: economic, political and socio-cultural aspects*. Moscow: ROSSPEN. 55—72. ISBN 5-8055-0164-3. (In Russ.).
- Rogovin, V. Z. (1992). *Was there an alternative? “Trotskyism”: a look through the years*. Moscow: Publishing House of the Terra Center. 400 p. ISBN 5-85255-128-7. (In Russ.).
- Rubinstein, G. L. (1964). *Development of domestic trade in the USSR*. Leningrad: Publishing House of the Leningr University. 396 p. (In Russ.).
- Senyavsky, A. S. (2006). New economic policy: modern approaches and prospects for study. In: *NEP: economic, political and socio-cultural aspects*. Moscow: ROSSPEN. 5—25. ISBN 5-8055-0164-3. (In Russ.).
- Shmelev, N., Popov, V. (1989). *At the turning point. Economic restructuring in the USSR*. Moscow: Publishing House of the Novosti Press Agency. 398 p. ISBN 5-7020-0067-6. (In Russ.).
- Stulov, A. N. (2024). *Trade as a factor of socio-economic development in the Kuban under the New Economic Policy: 1921—1929*. PhD Diss. Armavir. 212 p. (In Russ.).
- Suvorova, L. N. (2013). *The NEP multicultural economy. Between the state and the market*. Moscow: AIRO-XXI. 303 p. ISBN 978-5-91022-234-6. (In Russ.).
- Vinogradov, S. V. (1998). *The revival of the diversified economy of the Russian Federation during the NEP years, 1921—1927: Based on the materials of the Volga region*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 32 p. (In Russ.).
- Zhukov, Yu. N. (2019). *The reverse side of the NEP. The years 1923—1925. Economics and Political struggle in the USSR*. Moscow: Conceptual. 377 p. ISBN 978-5-906867-20-9. (In Russ.).
- Zhuravlev, S. V., Mukhin, Yu. M. (2004). *“Fortress of socialism”: Everyday life and motivation of work at a Soviet enterprise, 1928—1938*. Moscow: ROSSPEN. 238 p. ISBN 5-8243-0524-2. (In Russ.).
- Zhuravlev, S. V., Sokolov, A. K. (1998). Everyday life of Soviet people in the 1920s. In: *Social history: Yearbook: 1997*. Moscow: ROSSPEN. 287—332. ISBN 5-8243-0135-2. (In Russ.).

*The article was submitted 03.10.2024;
approved after reviewing 23.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*